

ПОЛИТИКА

А.А.Шинкаренко

Эволюция экологического дискурса в Латинской Америке: традиции и новации

В представленной статье автор продолжает попытки теоретически обосновать особенности экологического дискурса в регионе, предпринятые ранее в журнале «Российская политология». Поставленная задача — отображение тех изменений, которые произошли в содержании экологического дискурса, в том числе и вариаций на латиноамериканской почве. Рентная модель экономики на фоне «сырьевого бума» в странах изучаемого региона дополнилась так называемым товарным консенсусом. Это вносит определенные коррективы в трактовки экологического дискурса: не только актуализирует его, но и способствует дальнейшей политизации в социально-политической повестке. Примечательно, что подобная характеристика применима ко многим странам, богатым природными ресурсами. Автор стремится показать, как данные процессы оказались включены в структуру «эко-территориального сдвига», переживаемого регионом.

Ключевые слова: *Buen Vivir*, де-рост, экологический сварадж, постэкстрактивизм, «товарный консенсус», устойчивое развитие, дискурс-анализ, Пачамама.

DOI: 10.31857/S0044748X0013151-5

Статья поступила в редакцию 09.09.2020.

ПОДСТУПАЯ К ЭКОЛОГИЧЕСКОМУ ДИСКУРСУ

Тематика экологической повестки в силу ее специфики является чрезвычайно обширной. Неудивительно, что в последние годы в академической и публицистической среде стали часто использовать термин «экологический дискурс». Однако, чтобы разобраться в сути проблемы, следует определиться с тем, что означает понятие «дискурс». Заимствованный из

Александр Александрович Шинкаренко — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН (РФ, 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21, hombreyo@gmail.com)

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 18-014-00042 А «Политическая поляризация и механизмы консолидации разделенных обществ в Латинской Америке. Возможности и пределы компаративного опыта для России».

лингвистики данный термин (от позднелатинского *discursus* — рассуждение, довод) в общем понимании трактуется как некий процесс языковой деятельности с имеющейся системой понятий. Позднее эта дефиниция получила развитие во французской философии постструктурализма, где в текстах наделялась характеристиками особого духовного настроения и идеологических ориентаций с акцентом на социально-культурные, психологические и другие особенности. На сегодняшний день это понятие столь широко применяется в социально-гуманитарных дисциплинах, что стало своего рода «жужжалкой» (по выражению исследовательницы Анастасии Ионовой). Это закономерно привело к размыванию содержания самого термина [1, с. 237]. Тем не менее интерес к инструментам дискурса, через которые можно было бы исследовать пространство политического в науке, не угасает. Стоит также сказать, что схемы, используемые для описания данного явления — критический дискурс-анализ (Т. ван Дейк, Н.Фэркло, Р.Водак и др.), постструктуралистский дискурс-анализ (Р.Барт, Ж.Делез, Ж.Деррида, М.Фуко), культуральная политэкономия и культурологический и дескриптивный подходы, — являются довольно расплывчатыми и неоднородными по своей сути [1]. Отдельно добавим, что постструктуралистское направление де-факто является, скорее, интеллектуально-публицистическим, нежели продиктованным какой-то научной традицией. В рамках данного подхода делается акцент на неповторимую личность исследователя.

Несмотря на свою методологическую расплывчатость, постструктуралистское течение мысли активно эволюционирует от метода деконструкции Жака Деррида к более продвинутым формам (которые, по мнению Ионовой, представляют собой идеи делиберативной демократии немецкого социолога Юргена Хабермаса как «отправной точки дискурс-анализа») [1]. Отметим, что современная версия постструктуралистского дискурс-анализа, где дискурс — всеобъемлющая категория, объединяющая социальные практики, основана на утверждениях Деррида о том, что все в мире обладает структурой (однако не все систематизировано), а также о том, что значение вещей и явлений нельзя зафиксировать, так как все изменчиво. Здесь базовые представления о мире играют значимую роль при политическом анализе, так как невозможно отказаться, как отмечает профессор политологии Венского университета Герберт Готтвейс, от изначального (стабильного) восприятия мира и его проявлений [Цит по: [1]. Любопытно, что обращение к такому методу исследования как дискурс-анализ, например, в геополитике (что ранее считалось нонсенсом, по мнению отечественного исследователя Игоря Окунева), способствовало возникновению на практике целого направления — «критической геополитики»* [2]. Целью этого направления стал анализ условий, в которых воспроизводятся сами геополитические представления (т.е. дискурсы). Сторонники подобного подхода утверждают, что процесс формирования геополитики — не результат фундаментальных естественных законов, пространственных структур (о чем

* Сам термин «критическая геополитика» предложен Джерардом О’Тоалом и Саймоном Дэлби в конце 1980-х годов, после чего его стали применять для обозначения нового направления в англо-американской политической географии.

ранее толковали структуралисты), а работа географического воображения и пространственных мифов (так называемого мира идеального» [2]. Тогда же было предложено отойти от традиционных бинарных оппозиций: «внешний — внутренний», «Запад — Восток», «центр — периферия» и т.д. В частности, чтобы расширить устоявшиеся представления о геополитике, американский ученый Джерард О'Тоал стремится их деконструировать. Для этого необходимо признать относительность существующих трактовок и схем, а следующим шагом должно стать абстрагирование от них [3].

Такой подход способствовал активному применению междисциплинарности в исследованиях — отходу от традиционного восприятия концептов «политического» и «географического». Сторонники критического направления в своих работах вышли за рамки задач, которые учитывали лишь физические границы, институты государственной власти или внешние условия. В частности, в сферу подобного анализа вошли социальные науки, проблемы глобализации, идентификации, суверенитета, риски, продиктованные последствиями научно-технического прогресса, и др. Одна из серьезных проблем, возникших перед обществом риска, связана с угрозами окружающей среде. Именно поэтому современное общество должно понять, каким образом социум сможет воспрепятствовать экологическим угрозам, защитив уязвимые места? Смогут ли и правительства, часто ассоциируемые с глобальным капитализмом, признать собственную несостоятельность перед лицом конкретных кризисов?

Уже упоминавшийся Дж. О'Тоал в одной из своих работ отмечает, что на формирование политических процессов значительное влияние оказали такие факторы, как глобализация капитала и рынков, развитие информационных технологий и их распространение. Далее ученый подчеркивает, что происходит «детерриториализация национальных правительств и исчезновение государства в прежнем его понимании, то есть процесс глокализации (слияние понятий *global* и *local*)» [4]. Вовлеченность современного общества в информационные потоки, а также использование новейших средств коммуникации, несомненно, предоставляют новые инструменты политического влияния. Однако на смену традиционным (территориальным) угрозам с известными акторами и понятным алгоритмом действий приходят внетерриториальные, где политика трансформируется в непрерывный поток новостей и ярких заголовков [3]. В то же время открытость политической географии, в частности, для концептуальных инноваций, предполагает, по замыслу адептов критического направления, поиск моделей, альтернативных нынешнему состоянию мира.

Актуальность подобных проблем и связанное с ними повышенное внимание к вопросам экологии в современной реальности привели к появлению термина «экологический дискурс», который в работах ученых получает целый ряд трактовок. Так, отечественные исследовательницы Татьяна Дубровская и Оксана Калёнова подчеркивают, что для «разграничения широкой и узкой интерпретации экологического дискурса используется термин «гринспик» (*greenspeak*)», т.е. устные заявления экологистов [5, с. 6-7.]. Далее авторы приводят свою трактовку дефиниции, которая понимается ими как «совокупность устных и письменных высказываний различных стилей и жанров в социально значимых ситуациях общения на экологические темы» [5, с. 8.]. Другой российский ученый, Андрей Левушин, отмечает, что отличительной чертой данного феномена «в

современном социуме является его связь с социальными движениями» [Цит. по: 5]. Хотя, как справедливо заявляют Дубровская и Калёнова, экологический дискурс состоит не только из деятельности природоохранных неправительственных организаций (НПО), но и включает в себя «деятельность индивидов на уровне потребительского поведения, в семейной жизни, дружеских и соседских отношениях» [5, с. 8.]. Таким образом, экологический дискурс может включать в себя поиски решений проблем загрязнения окружающей среды, которые связаны с издержками рентной модели экономики. Это в свою очередь позволяет нам ориентироваться на тот курс, который приближал бы нас к экологической геополитике.

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ ВАРИАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Модернизационные процессы, результаты которых в каждом отдельно взятом государстве Латинской Америки были весьма различными, вызывали много нареканий среди экспертного сообщества*. По мнению его представителей, такой подход не мог покончить со структурной зависимостью периферийных государств. Пример региона демонстрировал, что уничтожение традиционных институтов и соответствующего жизненного уклада повлекло за собой социальную дезорганизацию и рост протестных настроений, в частности, в среде коренных жителей. Подобное обстоятельство стимулировало поиск иных возможных моделей интеграции индейских этносов в латиноамериканское общество, позднее выразившихся в так называемой концепции этноразвития (1970-е годы XX в.), согласно которой автохтонное население региона обладает всеми необходимыми ресурсами для собственного развития. Данная позиция получила логическое продолжение в рамках «Теории четвертого мира», предложенной американским антропологом Бернардом Нитшманом, позднее оформившись в «теорию природных сред» [6, pp. 239-240]. В контексте данной теории обращение к экологическому дискурсу выражалось в апелляции к проблеме сохранения и приумножения как био-, так и культурного многообразия. По мнению Нитшмана, на протяжении истории географическая экспансия государств сформировала два диаметрально противоположных друг другу типа природной среды. Так, для первого типа — среды государства — характерны высокая плотность населения с моделью экономики, приводящей к биологическому истощению ландшафта. Второй же тип является средой коренных этносов, культура и хозяйство которых адаптированы к природным условиям их проживания. Подобный нюанс способствует сохранению как биоразнообразия, так и здорового ландшафта. В дальнейшем в теоретических наработках и отсылках к экологическому дискурсу неоднократно подчеркивалась необходимость продолжения дискуссии по вопросам развития индейских общностей. Актуальность экологической повестки, сопровождавшаяся повышенным вниманием к накопившимся проблемам, стимулировала (на рубеже XX—XXI вв.) поиск соответствующих инструментов.

* В числе критиков данной концепции можно назвать Рауля Пребиша, Андре Гундер Франка, Теотониу душ Сантуша, Родольфо Ставенхагена и др.

Одним из них стала концепция *Buen Vivir* («Хорошо жить»), в возникновении которой некоторые исследователи и гражданские активисты увидели альтернативу устоявшейся практике экстрактивизма, хотя определенные ее постулаты весьма радикально трактуют категории развития, а также иные ключевые сегменты современного бытия. В то же время такой подход показателен для изменений, произошедших в знании, учитывая иные формы отношений между человеком и природой. Прямое отождествление *Buen Vivir* с благополучием или же сведение этой концепции к какой-то идеологии и культуре является упрощением феномена. Он может принимать различные формы в зависимости от конкретной локации, адаптируя традиционное к внутренней механике современности*.

Первые упоминания об элементах, впоследствии заложенных в основу *Buen Vivir*, возникли еще в середине прошлого столетия. Тем не менее точкой отсчета для нынешней вариации этой парадигмы стали 90-е годы XX в. Небезосновательно отмечается, что важную роль в становлении данной концепции сыграли индейские интеллектуалы, которые неустанно говорили о *Buen Vivir* как о политическом и идеологическом инструменте. В Боливии таким стал социолог-аймара Симон Ямпара, а в Эквадоре одними из первопроходцев были Альфредо и Карлос Витери Гуалинга [8]. Отечественный исследователь Павел Костогрызов в подтверждение этого тезиса отмечает, что одна из вариаций концепции *Buen Vivir* — боливийская *Suma Qamaña* — представляет собой «искусственный ценностный конструкт, созданный определенной политической силой, своего рода сознательно творимый миф» [9, с. 36]. Кроме того, стоит упомянуть существовавшие ранее наработки перуанского Андского проекта крестьянских технологий (*Proyecto Andino de Tecnologías Campesinas, PRATEC*), а также другие инициативы коренных жителей региона. Факт поддержки идей концепции *Buen Vivir* со стороны социальных движений и НПО, включая в ряде случаев конституционное признание, и ее последующая имплементация в социально-политический дискурс Боливии и Эквадора является весьма показательным, на что обращает внимание отечественная политолог-латиноамериканист Татьяна Воротникова [10]. В свою очередь Костогрызов подчеркивает, что с принятием новых конституций вышеназванные страны вышли «за рамки модели государства-нации и вступили в эпоху нового конституционализма — «многонационального, межкультурного и экспериментального» [Цит. по: 11]. Любопытно и то, что в новой Конституции

* Как справедливо подчеркивает уругвайский социолог Эдуардо Гудинас, обращение к культурным традициям коренного населения могло бы помочь в создании концепций развития и их адаптации к текущим реалиям. Последнее обстоятельство способствовало возникновению самых различных вариаций *Buen Vivir* с учетом особенностей социального, исторического и экологического контекста. Среди них можно отметить *Suma Qamaña* у аймара, *Ñande Reko* у гуарани, *Sumak Kawsay* у кичуа, *Allin Kawsay* среди перуанских кечуа. Похожие ценности демонстрируют *Shür Waras* (Эквадор, Перу) и *Küme Mongen* (мапуче, Чили). Немаловажно, что инновационные подходы и синкретизация концепций породнили традиции коренных этносов с критикой модернизационных процессов [7].

Эквадора (2008 г.) «права *Buen Vivir*» трактуются весьма широко, объединяя вопросы питания, здоровой окружающей среды, доступа к воде, образованию и др., что, безусловно, является юридической новеллой [12].

Отметим, что на сегодняшний день отсутствует единое понимание того, что же есть *Buen Vivir*, (*Sumak Kawsay*, принятый в Эквадоре, не тождественен боливийской *Suma Qamaña*)*. Многочисленные попытки перевести данное понятие в привычные западному пониманию категории сводятся к трактовкам искусства, всеобщему благоденствию, что упрощает его. Хотя было бы ошибочно утверждать, что *Buen Vivir* является исключительно индейским пониманием парадигмы развития. Действительно, ряд его элементов этой концепции обращен к доколумбовым традициям, однако особенностью дискурса стало и заимствование западных теоретических моделей. К ним можно отнести радикальную критику текущей модели (т.е. постразвитие), трактовку власти и знания через призму колониального наследия, феминизм, альтернативную этику, а также взгляд на окружающую среду с позиций «глубокой» экологии**. Как отмечает в своей монографии австралийская исследовательница Наташа Шассан, отсутствие единого понимания по данному концепту и его практическому применению часто приводило к противоречиям [13].

Важно отметить, что идеология *Buen Vivir* играет важную роль в контексте переживаемого на континенте «экотерриториального сдвига». При ее детальном анализе в глаза бросается тот факт, что в традиционных знаниях коренных народов не существует категории, похожей на концепцию развития***. Для индейских народов само это понятие является нелинейным, точно так же, как отсутствуют трактовки богатства и бедности, обусловленных накоплением капитала, что ведет к противопоставлению этой идеологии западным традициям. На основе *Buen Vivir* должна сформироваться модель, которая, непрерывно развиваясь, будет находиться в тесной связи с Пачамама. Являясь центральной категорией в жизненной философии коренных народов, эта парадигма не отрицает технологические новшества современного мира, а также возможность вклада в нее неиндейских

* По мнению Костогрызова, испанские аналоги данных явлений — *Buen Vivir* и *Vivir bien* — «едва ли могут считаться эквивалентами, так как они вызывают ассоциации прежде всего с современным концептом «качество жизни»». Последний объединяет в себе весьма широкий набор социально-экономических аспектов, тогда как *Suma Qamaña* «апеллирует к нескольким иным ценностям» [9, с. 32.].

** Термин «глубокая экология» (иногда встречается вариант — глубинная) был введен в научный оборот в 1972 г. норвежским экофилософом Арне Нессом для описания идеи о том, что каждый живой вид имеет неотъемлемую ценность, которая не измеряема его пользой для человечества. Несс утверждал, что право всех форм жить является универсальным, что уравнивает все живые существа в развитии.

*** Так, упомянутый ранее Гудинас отмечает, что общие элементы ставят под сомнение концепцию прогресса и понятие единой всемирной истории [17]. Для них характерны (традиционные для космогонии коренных жителей) множество нелинейных, круговых исторических процессов, развитие которых может идти параллельно. Одержимость экономическим ростом (характерная для западной традиции линейного развития), потребление, активное покорение природы выглядят резко отрицательными явлениями.

культур и знаний [14]. *Buen Vivir*, как и подобные ему экологический сварадж* и концепция де-роста**, представляет собой попытку в очередной раз политизировать дебаты по поводу возможных вариантов социально-экологического будущего [15]. Именно на этом уровне формулируются конкретные проблемы, требования, а также способы их решения, которые вступают в конфронтацию с существующей моделью экономического развития. С данным фактом согласны и авторы коллективной работы «Буэн Вивир и вызовы капитализму в Латинской Америке», где отмечается, что инновационные инициативы, подобные *Bien Vivir / Vivir bien*, формируются на уровне низовых сообществ, целью которых является постразвитие [16].

Значимым в *Buen Vivir* становится вытеснение из центра системы индивида, который якобы наделен политическим представительством и является мерой всех вещей. На уровне этики окружающая среда признается субъектом, что противоречит существующему патриархальному укладу. Так, в сельских общинах происходит возрождение ключевой роли женщин в деле защиты общности и природы, что приводит к росту феминистического дискурса (экофеминизм). Современному бинарному делению «мир человека — окружающая среда» *Buen Vivir* противопоставляет смешанные социально-экологические формы организации. Это, в частности, концептуально подтверждают традиции айлью (общин), где в условиях андского альтиплано почитается мир не только людей, но и животных, растений, духов гор, рек и др. [17; 18].

ВОЗМОЖЕН ЛИ ПОСТЭКСТРАКТИВИЗМ?

Несмотря на благие намерения, *Buen Vivir* критикуют как сторонники концепции, так и ее противники, подчеркивая, что в рамках концепции картина современного мира излишне упрощается. Представители левых традиционно заявляют, что, будучи альтернативой нефтяному капитализ-

* Экологический сварадж, также называемый «радикальной экологической демократией» (*Ecological Swaraj, Radical Ecological Democracy-RED*), базируется на опыте низовых сообществ и гражданского общества Индии. В нем заложены принципы самоуправления и самообеспечения, помогающие учитывать возможности природы и уважать права других живых существ. При этом соблюдаются ценности социальной справедливости и равенства. Как отмечает индийский эколог Ашиш Котари, данный концепт дает каждому человеку возможность участвовать в принятии решений, а его целостное видение благополучия охватывает физические, материальные, социокультурные, интеллектуальные и духовные уровни [15].

** Термин «де-рост» (также известный как «антирост») введен в научный оборот в 1972 г. французским леворадикальным философом и социологом Андре Горцем, вдохновленным работой румынского экономиста Николаса Джорджеску-Регена «Закон энтропии и экономический процесс» (1971 г.). Позднее французские авторы стали прибегать к данной категории после выхода в свет доклада для Римского клуба «Пределы роста» (1972 г.). Как отмечает испанский исследователь Федерико Демария, начиная с 2001 г. «де-рост» был взят на вооружение экологическими активистами в качестве провокационного лозунга для политизации дискуссий по проблемам окружающей среды. В основе данного критического подхода лежат перераспределение/сокращение производства и потребления в промышленно развитых странах для достижения экологической устойчивости [15].

му, этот подход не является моделью развития. Также подвергаются сомнению ценности каких-либо иных акторов, кроме человека (антропоцентризм). Однако, несмотря на подобные аргументы, проект *Buen Vivir* не только пользуется значительной поддержкой среди населения адских стран, но и вышел за национальные границы, распространившись по всей Латинской Америке. Он стал основой для дискуссии вокруг конкретных альтернативных проектов развития. Признание прав Матери Природы (Пачамамы), мораторий на бурение в Амазонии и варианты перехода к пост-экстрактивистской реальности — лишь некоторые из них [8].

Во многом инновационная концепция *Buen Vivir* с ее плюсами и минусами, критикой и апологетикой находится сегодня в процессе становления, и ей только предстоит покончить с зависимостью модернизационной парадигмы. Эта концепция представляется полифонией исторических, территориальных, культурных, экологических и др. дискурсов. В подобном многообразии существует несомненное единство, основанное на тезисе о том, что ценными являются не только люди, но и нематериальные объекты природы. Тем не менее следует отметить очевидный разрыв между официальной риторикой правительств Эквадора и Боливии по поводу *Buen Vivir* и практическими шагами по расширению проектов экстрактивизма. Стремясь преодолеть данные противоречия, вышеназванные правительства пытались поместить его (концепт) в текущий контекст модернизации, что является повторением ранее применявшихся практик.

«Товарный консенсус» (термин, используемый аргентинским социологом Маристеллей Свампой для объяснения текущей фазы неоекстрактивизма в регионе) привнес новый «экономический и политико-идеологический» порядок, основанный на высоком спросе на товары первичной добычи [19]. Наряду с новыми формами неравенства и потенциальными конфликтами в современном латиноамериканском обществе данный тренд демонстрирует образовавшиеся, пользуясь терминологией американского политолога Сеймура М. Липсета и его норвежского коллеги Стейна Роккана, «кливажи» (от фр. *clivage* — расщепление). Часть из них проходит между политикой социального обеспечения, необходимостью защиты окружающей среды и прав коренных народов и стремлением национальных элит постоянно увеличивать темпы добычи полезных ископаемых [20]. В философии *Sumak Kawsay* данное обстоятельство привело к юридическому парадоксу: на фоне прав Пачамамы у государства появились более широкие полномочия монетизировать природные ресурсы, резко увеличив их добычу [21].

Тот факт, что необходимость бережного отношения к окружающей среде записана в конституциях, несомненно, крайне важен. Однако частью данного процесса является также взаимодействие (или же его возможность) между правовыми структурами, государственной политикой и социальными акторами. Если в тексте Основного закона де-юре содержатся противоречия между вышеназванными элементами (как это видно на примере Боливии и Эквадора), это делает невозможной практическую реализацию задач, связанных с защитой окружающей среды. Дискуссии вокруг отличной от рентной модели развития, вне всяких сомнений, являются вызовом для устоявшихся отношений «человек — окружающая среда», так как в их основе лежат ценности и космогония коренных жителей. Опыт госу-

дарств андского субрегиона демонстрирует нам новые интерпретации экономического развития, где целью правительств является более прагматичный подход к правам Пачамамы. Иллюстрациями подобного тренда стали конфликты вокруг строительства автомагистрали через Индейскую территорию и национальный парк Исиборо — Секуре (Боливия) [см. подробнее: [22] и добычу углеводородов в национальном парке Эквадора *Yasuni-ITT*. Эти примеры наиболее известны, тогда как подобные процессы наблюдаются и в других странах региона, где нет таких прогрессивных конституций.

Экосоциализм, по справедливому замечанию шведского политолога Рикарда Лаландера, стал визитной карточкой внутри «левого поворота», в рамках которого забота об окружающей среде стала частью политического дискурса социально ориентированных правительств. Такие лидеры, как Рафаэль Корреа (2007—2017) и Эво Моралес (2006—2019), поначалу воспринимались на международных форумах как герои климатической повестки. Однако в среде защитников окружающей среды, выступавших за альтернативу «ресурсному проклятию», подобных характеристики к этим персонам не применялись [8].

На нынешнем этапе развития латиноамериканских стран зависимость от экстрактивистской модели экономики не только сохранилась, но и заметно усилилась, в частности, из-за падения цен на углеводороды на мировых рынках. Результатом стал рост существующих разногласий между «пачамамистами» и сторонниками концепции экономического развития, основанной на эксплуатации природной ренты. Это подводит нас к дискуссии о возможном постэкстрактивизме. Возникает резонный вопрос: удастся ли практически реализовать модель *Sumak Kawsay* без категории «развития» (подразумеваемой как «экономический рост»)? Неоднозначна и трактовка *Buen Vivir* среди населения стран региона, на что указывает ранее упомянутая Н.Шассан. Так, некоторые респонденты считают, что данный концепт предназначен лишь для жителей Амазонии или Андского высокогорья (т.е. подходит коренным жителям, но не подходит для горожан)*.

Существующий конфликт между экономикой и окружающей средой не может быть разрешен через призывы к «устойчивому развитию», «экоэффективности», «экологической модернизации» или «зеленой экономике». Одной из самых сложных задач, стоящих перед странами «Глобального Юга» в целом и Латинской Америкой, в частности, является создание и реализация стратегии, которая в итоге приведет к отказу от хищнической эксплуатации природных ресурсов. Как отмечают в своей работе отечественные исследователи И.В.Ильин и А.Д.Урсул, государства региона сталкиваются со сложной и противоречивой ситуацией, когда на одной чаше весов — необходимость защиты окружающей среды, а на другой — стимулирование экономического развития. Однако, подчеркивают ученые, такое противоречие является глобальным, меняются лишь его формы в конкретно взятой локации [23 с. 13-14.]. Деконструкция концепта развития способствовала появлению новых и обновлению старых трактовок, вариативность которых зависит от внешних условий. Такие идеи не являются чем-то новым в XXI в., однако могут стать частью поиска альтернативных моделей развития. Их объединяет, как правило, то, что они воз-

* Одновременно часть жителей влажнотропических районов выступает за базовые потребности, а не за этническое, культурное признание или защиту окружающей среды.

никают в среде традиционно маргинализированных групп. Поэтому подобные мировоззренческие концепции отличаются от доминирующих трендов и нарушают антропоцентрическую логику существующей экономической системы, что приближает нас к постэкстрактивизму.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. Ионова А.О. Современные подходы к анализу политического дискурса. *Политическая наука*, 2016, № 3, сс. 236-259. [Ionova A.O. Sovremennye podkhody k analizu politicheskogo diskursa [Modern approaches to the analysis of political discourse]. *Politicheskaya nauka*. 2016, N 3, pp. 236-259 (In Russ.).
2. Окунев И.Ю. Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики. *Сравнительная политика*, М., 2014, № 4 (16-17), сс. 6–14. [Okunev I.Yu. Kriticheskaya geopolitika i postkriticheskii sdvig v issledovatel'skoi paradigme geopolitiki [Critical Geopolitics and Post-Critical Shift in the Research Paradigm of Geopolitics]. *Sravnitel'naya politika*. Moscow, 2014, N 4 (16-17), pp. 6–14. (In Russ.)
3. Ляховенко О.И. Концепции критической геополитики Дж. О Тоала: на пути к осмыслению геополитики XXI века. *Сравнительная политика*, М., 2014, № 4 (16-17), сс. 15-20. [Lyakhovenko O.I. Kontseptsii kriticheskoi geopolitiki Dzh. O Toala: na puti k osmysleniyu geopolitiki KhKhI veka [J. O'Toal's Critical Geopolitics Concepts: Towards Understanding the Geopolitics of the 21st Century]. *Sravnitel'naya politika*. М., 2014, N 4 (16-17), pp.15-20 (In Russ.).
4. Туатайл О'Г. Геополитические условия постмодерна: государства, государственное управление и безопасность в новом тысячелетии. [Tuatail O' G. Geopoliticheskie usloviya postmoderna: gosudarstva, gosudarstvennoe upravlenie i bezopasnost' v novom tysyacheletii [Geopolitical conditions of postmodernity: states, governance and security in the new millennium] (In Russ.). Available at: http://www.intelros.ru/pdf/Geopolitic/2013_XIX/11.pdf (accessed 15.10.2017).
5. Дубровская Т.В., Калёнова О.Г. К проблеме определения экологического дискурса и его жанров. *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, Воронеж, 2015, Выпуск № 2(16), сс. 6-12. [Dubrovskaya T.V., Kalenova O.G. K probleme opredeleniya ekologicheskogo diskursa i ego zhanrov. [On the problem of defining ecological discourse and its genres]. *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. Voronezh, 2015, N 2(16), pp. 6-12. (In Russ.).
6. Nietschmann B. The Fourth World: Nations Versus States. *Reordering The World. Geopolitical Perspectives on the Twenty-first century/* Ed. by G.J. Demko and W.B. Wood. Westview, 1994, pp. 225- 242.
7. Gudynas E. Buen Vivir: Today's tomorrow. *Development*, 2011, 54(4), pp. 441–447.
8. Santos T. Buen Vivir o Desarrollo?. *Vistazo*, 09.08.2016 Available at: https://www.academia.edu/28163891/_BUEN_VIVIR_O_DESARROLLO (accessed 15.05.2020).
9. Костогрызов П.И. Идеология Сума Каманья в политике ценностей левоиндехинистского режима Э. Моралеса. *Вестник Пермского Университета. История*. Пермь, 2019, № 4 (47). сс. 30-40. DOI: 10.17072/2219-3111-2019-4-30-40 [Kostogryzov P.I. Ideologiya Suma Kaman'ya v politike tsennoy levoindekhinskogo rezhima E. Moralesa [The Ideology of Suma Qamaña in the Value Policy of the Left-Independent Regime of E. Morales]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Istoriya*. Perm', 2019, N 4 (47). pp. 30–40. DOI: 10.17072/2219-3111-2019-4-30-40 (In Russ.).
10. Воротникова Т.А. Левые режимы в Боливии и Эквадоре: десять отличий. *Латинская Америка*, М., 2019, № 11. сс. 15-20. DOI 10.31857/S0044748X0006895-3 [Vorotnikova T.A. Levye rezhimy v Bolivii i Ekvadore: desyat' otlichii. [Leftist regimes in Bolivia and Ecuador: ten differences]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2019, N 11. pp. 15–20. DOI 10.31857/S0044748X0006895-3 (In Russ.).
11. Костогрызов П. И. Латиноамериканская модель многонационального государства. *Конституционное и муниципальное право*. М., 2019, № 8, сс. 66-69. [Kostogryzov P. I. Latinoamerikanskaya model' mnogonatsional'nogo gosudarstva [Latin American model of a multinational state]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. Moscow, 2019, N 8, pp. 66-69. (In Russ.).
12. Мартынова М.Ю. Новая конституция Эквадора: социализм XXI века. *Право и управление XXI век*, М., 2009, № 2 (11), сс. 69–80. [Martynova M.Yu. Novaya konstitutsiya Ekvadora: sotsializm XXI veka [Ecuador's new constitution: 21st century socialism]. *Pravo i upravlenie XXI vek*. Moscow, 2009, N 2 (11), pp. 69-80 (In Russ.).

Александр Шинкаренко

13. Chassagne N. *Buen Vivir as an Alternative to Sustainable Development: Lessons from Ecuador*, Routledge, 2020, 192 p.
14. Swyngedouw E. Impossible/Undesirable Sustainability and the Post-Political Condition. *The Sustainable Development Paradox* /Rob Krueger and David Gibbs (eds.), New York: Guilford Press, 2007, pp. 13–40.
15. Kothari A., Demaria F., Acosta A. Buen Vivir, Degrowth and Ecological Swaraj: Alternatives to sustainable development and the Green Economy. *Development*, 2014, 57(3–4), pp. 362-375.
16. Buen Vivir and the Challenges to Capitalism in Latin America. Ed. by H. Veltmeyer, E. Zayago Lau, Routledge, 2020, 232 p.
17. Chuji M., Rengifo G., Gudynas E. Buen Vivir. *Pluriverse. A Post-Development Dictionary*. New Delhi, 2019, pp. 111-114.
18. Самаркина И. К. *Община в Перу. Очерк социально-экономического развития* М.: Наука, 1974, 249 с. [Samarkina I. K. *Obshchina v Peru. Ocherk sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Community in Peru. Sketch of socio-economic development]. Moscow: Nauka, 1974, 249 p. (In Russ.).
19. Svampa M. «Concenso de los Commodities» y lenguajes de valoración en América Latina. *Nueva Sociedad*, 2013, Marzo-Abril.
20. Svampa M. Modelo de Desarrollo y cuestión ambiental en América Latina: categorías escena-rios en disputa. *El desarrollo en cuestión: reflexiones desde América Latina*. La Paz: CIDES / UMSA, 2011.
21. Lalander R. Entre el ecocentrismo y el pragmatismo ambiental: Consideraciones inductivas sobre desarrollo, extractivismo y los derechos de la naturaleza en Bolivia y Ecuador. *Revista Chilena de Derecho y Ciencia Política*, 2015, Enero-Abril, pp. 109-152.
22. Vorotnikova T.A. Contradicciones campesino-indígenas en Bolivia contemporánea. *Iberoamérica*, Moscow, 2018, № 1, pp. 120-142.
23. Ilyin I., Ursul A. Dimensión global de la transición latinoamericana al desarrollo sostenible. *Iberoamérica*, Moscow, 2020, № 2, pp. 5-25.

Alexandr A. Shinkarenko (hombreyo@gmail.com)

PhD (political sciences), senior fellow research, Center for Political Studies of the Institute for Latin America of the Russian Academy of Sciences
B. Ordynka Str., 21, 115035 Moscow, Russian Federation

Evolution of environmental discourse in Latin America: traditions and innovations

Abstract: In this article, the author continues his attempts to theoretically substantiate the peculiarities of the ecological discourse in the region, that was undertaken earlier in the journal "Russian Political Science". The task at hand is to reflect the changes that have occurred in the content of environmental discourse, including its variations on Latin American soil. The rental model of the economy against the background of the "commodity boom" in the countries of the studied region was supplemented by the so-called "consensus of commodities". This process brings its own adjustments to the interpretation of environmental discourse, not only actualizes it, but also politicizes it in the socio-political agenda. Curiously enough, this feature applies to many countries with rich natural resources. The author's goal is to show how these processes were included in the structure of the «eco-territorial turn» what is experienced in the region.

Key words: Buen Vivir, de-growth, ecological swaraj, post-extractivism, «consensus of the commodities», sustainable development, discourse analysis, Pachamama.

DOI: 10.31857/S0044748X0013151-5

Received 09.09.2020.